

Территория Императорской академии.

Сидя на скамейке у озера, Бай Цзыань открыл коммуникатор и с тоской посмотрел на лежащий там один миллиард имперских кредитов.

В романе описывалось, что после аукциона оригинальный персонаж, хоть и исходил криком и брызгал слюной от злости, все же выплатил этот миллиард. Бесило его не то, что он лишился такой суммы, а то, что его одурачил какой-то простолюдин.

Вот только Бай Цзыань и подумать не мог, что в реальности этот миллиард так и не удастся отдать.

Вышла крайне неловкая ситуация. Он и представить не мог, что настанет день, когда он будет ломать голову над тем, как избавиться от денег.

К счастью, ему в голову пришла одна идея.

Замысел автора романа в этой сцене состоял в том, чтобы снабдить главного героя стартовым капиталом и одновременно уязвить злодея. Бай Цзыаню нужно лишь выполнить эти два условия, чтобы вернуть сюжет в прежнее русло.

А значит, необходимо найти способ всучить деньги Линь Чанцзэ так, чтобы это выглядело естественно для капризного и высокомерного злодея.

Подумать только: из-за простой попытки отдать деньги возникло столько хлопот, да еще и в шкафу теперь висит это платье. Он поклялся себе больше никогда не вспоминать то утреннее выражение лица Ло Фаня – эту его полуулыбку-полуусмешку при виде наряда.

Бай Цзыань потянулся и поднялся со скамейки.

Вдруг со стороны озера донесся громкий мужской хохот:

— Грязный простолюдин, ну и умора! Ты что, сейчас расплачешься? Ха-ха-ха!

— Иди мамочке пожалуйста, пусть прибежит и спасет тебя, а-ха-ха-ха-ха!

Бай Цзыань потер переносицу. Похоже, школьный буллинг процветает везде.

Неподалеку на траве, уткнувшись лицом в землю, неподвижно лежал юноша, словно до смерти напуганный. Саймон пнул его по плечу и с усмешкой бросил:

— Вставай! Что, язык проглотил?

У Саймона сегодня с самого утра не задался день, поэтому он выбрал первого попавшегося простолюдина, который показался ему невзрачным, заманил к озеру и решил сорвать на нем злость. Ничтожество вроде него, даже если ему выбьют все зубы, утрется и будет молчать. Императорская академия принимает этих безродных только для того, чтобы благородные могли развлечься. Неужели кто-то действительно надеется, что эта шваль принесет пользу Империи?

— Смотрю, тебе жарковато. Может, освежишься в озере?

Смеясь, Саймон схватил Иэна за воротник и поволок к воде. Иэн не сопротивлялся. Он позволял тащить себя по грязи и палой листве, не реагируя, словно мертвец.

«Действительно, жалкий трус», – с ухмылкой подумал Саймон.

— Эй, вы слишком шумите.

Саймон отпустил Иэна и резко обернулся:

— Кто здесь?!

Он посмотрел в сторону звука. Под пышным камфорным деревом, небрежно прислонившись к стволу, стоял юноша. Его золотистые короткие волосы сияли ярче солнечного света, безупречно белая кожа словно излучала мягкое свечение, а черты лица казались настолько идеальными, что граничили с неземной, почти демонической красотой.

Саймон опешил:

— Б-Бай Цзыань?

Юноша равнодушно произнес:

— Вы мешаете мне отдыхать.

Саймон поспешно закивал:

— Да-да, конечно, мы уже уходим.

Дело было не в трусости. Бай Цзыань – единственный представитель молодого поколения с ментальной силой уровня SSS. Одно это гарантировало ему безграничные перспективы.

Связываться с ним было чистым самоубийством!

Забыв про Иэна, Саймон развернулся, чтобы убраться по добру-по здорову.

Молодой господин Бай проводил его ленивым, скользящим взглядом:

— Постой. Я вижу, твоя обувь испачкалась.

Саймон растерялся:

— Что?

Золотоволосый юноша будничным тоном, будто говорил о погоде, с легкой улыбкой на губах произнес:

— Почему бы тебе не пойти и не помыть ее в озере?

— Ха-ха-ха, — Саймон не знал, куда деть руки и ноги, и лишь выдавил натянутый смешок:

— Молодой господин Бай, ну и шутки у вас.

Взгляд Бай Цзыаня оставался приглушенным и неподвижным. У Саймона перехватило дыхание, сердце забило чаще – это невесомое внимание ощущалось тяжелым, как каменная глыба.

Наконец, через силу улыбаясь, он вымолвил:

— Да-да, вы абсолютно правы.

Сглотнув слюну, он шаг за шагом двинулся в сторону озера. Ледяная вода обожгла щиколотки, но он, стиснув зубы, упрямо шел вперед, пока она не поднялась ему до самой груди.

Бай Цзыань мысленно хмыкнул: «Ого, а парень сообразительный. Я велел ему помыть обувь, а он решил искупаться целиком».

Жертва издевательств тем временем медленно поднялась с земли. Бай Цзыань подошел прямо к нему, бесцеремонно схватил за подбородок и заставил поднять голову.

В следующую секунду его рука застыла, а дыхание перехватило, словно само время остановилось.

Изумрудно-зеленые глаза юноши походили на драгоценные камни чистой воды. Сейчас в них стояли слезы, а длинные загнутые ресницы дрожали от влаги. При виде этого сердце Бай Цзыаня невольно сжалось от нежности. На бледной щеке виднелся след грязи, но это ничуть не портило его хрупкой красоты.

«Красив до слез», — промелькнуло у него в голове. Иэн, чья истинная, зловещая природа скрывалась за этой безупречной маской беззащитности, идеально отыгрывал свою роль.

Они молча смотрели друг на друга.

Пальцы Бай Цзыаня, сжимавшие чужой подбородок, слегка вздрогнули. Ситуация становилась донельзя неловкой.

Нужно что-то сказать. Быстрее, придумай хоть что-то, иначе этот подонок отыграется на нем вдвойне, как только они останутся наедине.

И тут в его голове вспыхнуло озарение.

Бай Цзыань высокомерно усмехнулся и чуть сильнее сжал пальцы на его подбородке:

— Парень, ты что, пытаешься привлечь мое внимание, а?

Юноша ошеломленно уставился на него, часто хлопая чистыми, похожими на кошачьи глазами. Постепенно его щеки залил густой румянец.

«О боже, зачем я это ляпнул?! Стало еще более неловко!»

Бай Цзыань разжал пальцы и с пренебрежением фыркнул:

— А личико у тебя ничего. — Он окинул его ленивым оценивающим взглядом. — Ладно, признаю, у тебя получилось.

Шестьдесят Шестой в его голове истошно завопил: [Хост, какой позор! Перестань читать романы про властных боссов!]

Бай Цзыань оправдался: [Это была спонтанная реакция! Когда мы читали их вместе, ты сам ухахатывался, а теперь сдаешь назад?]

Иэн смотрел вслед удаляющемуся Бай Цзыаню, и его губы расплзались в широкой улыбке, отчего глаза превратились в полумесяцы. Он поднял руку – глубокие царапины на тыльной

стороне ладони затянулись прямо на глазах.

Саймон в озере дрожал от холода, мысленно проклиная Иэна. Но, похоже, Бай Цзыань положил на того глаз, а значит, трогать мальчишку теперь нельзя. По крайней мере до тех пор, пока он не надоеет молодому господину Баю.

Увидев, что Бай Цзыань ушел, Саймон тут же поспешил выбраться на берег. Подняв голову, он натолкнулся на пристальный взгляд зеленых глаз Иэна.

«Черт, эта подстилка еще и смеет злорадствовать!»

Вернувшись на траву, Саймон принялся яростно выливать воду из обуви и ворчать:

— Повезло тебе на этот раз, проваливай.

Иэн стоял неподвижно с той же неизменной улыбкой. Он слегка прикусил свой острый клык, отчего его губы казались еще более алыми.

Саймон снова вспылел. Какое-то ничтожество смеет насмехаться над ним! Он ткнул пальцем прямо в лицо Иэну и заорал:

— Ты совсем страх потерял, урод?! Если бы не этот Бай Цзыань... кха-кха... я... кха-кха-кха!

Он не успел договорить. Внезапно его легкие сковал спазм удушья, словно чья-то невидимая рука железной хваткой сжала горло, оборвав крик на полуслове.

Лицо Саймона исказилось от невыносимой боли. Хватаясь за шею, он судорожно ловил ртом воздух и медленно опустился на колени прямо на траву. Его дыхание походило на свист дырявых мехов, а рот мгновенно наполнился густым привкусом крови.

Если бы сейчас кто-то проходил мимо, он бы пришел в ужас от внешнего вида Саймона: лицо посинело, глаза неестественно выкатились из орбит, готовые выпасть от малейшего прикосновения, а вены на шее вздулись, став похожими на извивающихся дождевых червей.

«Что... проис... ходит... Нет... я... сейчас... умру...»

«Спа... сите...»

Саймон, дрожа, протянул руку к Иэна. Сквозь застилающую глаза пелену он увидел, как к нему медленно приближается силуэт.

«Спа... спа... си...»

До его слуха донесся мягкий, удивительно мелодичный голос Иэна:

— Ты сказал, его зовут Бай Цзыань?

Саймон, мелко дрожа, закивал головой.

— Ох, спасибо тебе.

Он вежливо и тепло улыбнулся.

Саймон облегченно выдохнул: «Спасен».

Но в следующую секунду его глаза округлились от ужаса, и он беззвучно закричал, распахнув окровавленный рот до предела!

«А-а-а-а-а-а-а!»

Иэн наступил ему прямо на грудную клетку и начал медленно, но целенаправленно переносить на нее весь свой вес.

«А-а-а-а-а-а!»

Саймон слышал, как одно за другим с треском ломаются его ребра, и даже чувствовал, как под давлением разрываются внутренние органы. В его угасающем сознании не осталось ничего, кроме этого бесполезного, безмолвного крика.

Беззвучный и никому не нужный вопль.

Люди действительно такие хрупкие существа.

Зеленоглазый юноша нахмурился, убрал ногу и брезгливо поморщился.

— Бай... Цзы... ань...

Он еще раз шепотом повторил это имя. Губы его тут же тронула счастливая улыбка, щеки заалели, и он смущенно опустил голову.

«Какое красивое имя. Как же оно мне нравится».

Эта сцена выглядела удивительно трогательно – как классический театральный эпизод о первой юношеской влюбленности.

Если, конечно, не обращать внимания на лежащий у его ног труп с проломленной грудной клеткой и застывшим в безмолвном крике ртом.

<http://bllate.org/book/17981/1727612>